

ка учащихся, возможно последовательно осуществлять вывод словообразовательного материала на уровень разрешения задач коммуникации.

Литература

1. Замковая Н., Моисеенко И. Многоликая Россия: учебник и раб. тетрадь для 11 (10/12) класса. Таллин: Koolibri, 2002.
2. Замковая Н., Моисеенко И. Трудно быть молодым?: учебник и раб. тетрадь для 12 класса. Таллин: Koolibri, 2003.
3. Кобозева И.М. Новый лингвистический учебник. Лингвистическая семантика. М. : Эдиториал УРСС, 2000.
4. Кожевникова Л.П. От корня – к слову: учеб. пособие по лексике и словообразованию для иностр., изучающих рус. яз. СПб. : САГА, 2002.
5. Красильникова Л.В. Формирование словообразовательной компетенции филолога-русиста (русский как иностранный) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М. : МГУ, 2012.
6. Мангус И. Русский язык: быстро и успешно!: учебник и раб. тетрадь для 11 класса. Таллин: ТЕА Kirjastus, 2008.
7. Мангус И. Русский язык: быстро и успешно!: учебник и раб. тетрадь для 12 класса. Таллин: ТЕА Kirjastus, 2008.
8. Метса А., Титова Л. Страны и люди (Твой собеседник 3): учебник и раб. тетрадь для гимназии. Таллин: Koolibri, 2002.
9. Миронов Д.Г. Глагольность в сфере имен: к проблеме семантического описания девербатов (на материале русского языка). Таллин: TLÜ kirjastus, 2008.
10. Моисеенко И., Замковая Н. 2009. Затруднения в словообразовании и словоупотреблении в речи учащихся-билингвов // *Humaniora: Lingua Russica*: тр. по рус. и слав. филологии. Вып. XII. Лингвистика. Тарту, 2009. С. 127–143.
11. Раудла Е. Словообразовательный аспект в учебном пособии (проблемы сопоставления коммуникативно ориентированных пособий по русскому языку для непрофилирующих отделений педвуза) / сост. Н. Сепп. Таллин: ТПИ им. Э. Вильде, 1988. С. 116–126.
12. Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь. Русская морфемика. М.: Школа-Пресс, 1996.
13. Троянова Т. Русский язык день за днем: учебник и раб. тетрадь для 10 класса. Таллин: Argo, 2012.
14. Шелякин М.А. Справочник по русской грамматике. М. : Рус. язык, 1993.

15. Eesti keele grammatika. I. Tallinn: TA Keele ja Kirjanduse Instituut, 1993.

16. Kasik R. Eesti keele sõnatuletus. Tartu: TÜ Kirjastus, 1996.

Issues of representation of verbal word formation in the textbooks of the Russian language for Estonian schools

There are analyzed the ways of representation of verbal word formation in the textbooks of the Russian language for Estonian schools. There is shown the potential of the use of the results of interlingual comparison for prediction and prevention of interference mistakes in the sphere of word formation. There are given the recommendations for the choice of material with consideration of students' native language.

Key words: methodology of teaching Russian as a foreign language, word formative model, comparative analysis, learning representation, interlingual interference.

Т.В. ДЕМИДОВИЧ
(Волгоград)

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ГРУППАХ ВОЕННОЙ ЛЕКСИКИ

На материале военной лексики рассмотрены различные принципы объединения слов в лексико-семантические группы, а также способность лексических единиц соотноситься с определенными классами предметов и с определенными понятиями.

Ключевые слова: лексико-семантическая система, лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа, лексико-семантический вариант, военная лексика.

Лексика определенно является той сферой языка, в которой наиболее наглядно и отчетливо отражаются всевозможные изменения, происходящие в жизни общества. Эта область также более всего поддается влиянию со стороны изменений в истории народа. Однако то, что развитие лексики во мно-

гом зависит от внеязыковых факторов, во все не означает, что это развитие свободно от действия языковых моментов. Значение слова – это, прежде всего, единство его языкового и внеязыкового наполнения. «Каждое слово является отражением какого-то отрезка действительности – реальной или мнимой, – но вместе с тем и единицей языка и связанной фонетически, грамматически и семантически с другими единицами. Способы выражения лексического значения в слове создаются длительной речевой практикой людей и становятся элементами языковой системы. <...> Тот факт, что развитие лексики в значительной мере определяется внутриязыковыми факторами, связанными с системным характером языка, обуславливает, как это ни парадоксально с первого взгляда, и более глубинное, чем обычно представляется, воздействие на лексику внеязыковых факторов. Для того чтобы отдельные части языкового механизма пришли в движение, нужен внешний толчок, но самый характер этого движения в значительной степени обусловлен особенностями самого механизма. Внешние факторы, затрагивая те или иные языковые звенья, благодаря системным отношениям внутри лексики, оказывают косвенное влияние и на другие звенья» [3, с. 51].

С этой стороны немалый интерес представляют так называемые лексико-семантические системы, или, как многие интерпретируют их сейчас, – лексико-семантические поля. В настоящее время в качестве синонимичных термину «лексико-семантическое поле» употребляют термины «лексико-семантическая парадигма», «понятийное поле», «ассоциативное поле», «лексико-семантическая группа», «тематическая группа», «лексико-семантический ряд» и т.д., что, на наш взгляд, недопустимо. В нашем исследовании мы употребляем термин «лексико-семантическая группа» (ЛСГ).

Известно, что термины «семантическая система» и «семантическое поле» впервые были использованы в работах немецких лингвистов, в том числе и в исследованиях И. Трира, в 20-х гг. XX в. Основные положения, выведенные И. Триром, содержат следующие выводы: слово и его характеристика зависят от занимаемого места в системе/поле, причем характеристика поля зависит от наличия общих значений лексем, входящих в него. Другими словами, понять отдельно взятое слово можно только при уче-

те значений всех его составляющих. «Таким образом, слова любого языка не являются носителями особого лексического значения, но каждое из них обладает значением постольку, поскольку им обладают и другие слова данной семантической структуры. В этой трактовке слова теряют реальность своего бытия и растворяют свою семантическую самобытность во всей системе языка. Каждое слово, включаясь мельчайшей деталью в целое языка, существует и “означает” постольку, поскольку существуют и что-то означают другие слова» [2, 266].

Еще одним недостатком в работах немецкого лингвиста, по мнению Г.С. Щура, является тот факт, что И. Трир рассматривает только именные образования, не учитывая полисемию языка. Однако то обстоятельство, что у Трира было много последователей, «по-видимому, свидетельствует о том, что в самом методе и подходе И. Трира было нечто, что отвечало духу времени и практическим задачам и что не могло быть отброшено, несмотря на так называемые недостатки его концепции. “Так называемые” потому, что они могли объясняться не тем, что И. Трир чего-то не учел, а тем, что с точки зрения задач, которые он перед собой ставил, не нужно было или можно было не учитывать ряд аспектов» [7, с. 25].

Несмотря на слабые попытки некоторых лингвистов хоть как-то оправдать концепцию И. Трира, его положения продолжают оставаться «недопустимыми». «Факторами развития языка являются не факты развития общества, которое пользуется языком как средством общения, не объективная действительность, не познание явлений, отношений и закономерностей, которые человеческое мышление закрепляет в структуре языка. Все построено в обратном направлении. Язык рассматривается как орудие, которое формирует для человеческого мышления реальную действительность» [2, с. 267]. Собственно, все это повторение знаменитых и актуальных и по сегодняшний день слов М.М. Покровского.

По принципу семантической общности слова объединяются в группы по-разному. Одним способом выделяется лексическая общность в словах *генерал, полковник, капитан, лейтенант* и т.д., которые обобщают слово *звание*. Точно так же *пост, группа, звено, отделение, рота, батальон* и пр. представляют составляющие понятия, выраженного слово-

сочетанием *войсковые формирования/подразделения*. Иногда члены некоторых ЛСГ имеют такую дополнительную смысловую нагрузку (например, стилистического порядка), которая отгесняет их в разные стороны и мешает выделению обобщающего слова, хотя эти слова и объединяются по принципу наличия в них общего семантического начала. Например, в лексическом ряду *стрельнуть – бабахнуть – прихлопнуть – угостить – шарахнуть – врезать – хлобыстнуть* и пр. трудно найти слово, которое бы заменило собой все эти слова, вместе взятые.

Другие ЛСГ располагаются вокруг слова-доминанты синонимического ряда. Окружающие его слова варьируют его основное значение, внося различные коннотационные оттенки: *отступитъ – отойти – откатиться – начать отход – драпать – дрогнуть – пятиться – отпрянуть – оставить – бросить – сдать объект* и т.д. Отличные принципы определения общего значения лежат в основе групп, обозначающих, например, составляющие части оружия, наименования обмундирования, снаряжения воина и т.д.

В своем исследовании В.А. Звегинцев говорит о том, что невозможно описать богатство типов лексико-семантических систем (групп), и ограничивается характеристикой только одного типа, хотя не уточняет, что это за тип, как он называется и т.п. [2, с. 271]. На наш взгляд, нижеперечисленные характеристики вполне могут быть отнесены вообще к любой лексико-семантической системе/группе, что мы и подтверждаем своими примерами.

1. ЛСГ могут объединяться по пересекающимся смысловым рядам. В этом случае один ряд относит слово к одной группе, а другой ряд – к другой. Например, слово *фронт*. В одном случае оно относится к ряду *фронт – армия – корпус – дивизия* и т.д. и к группе, определяющей *войсковые формирования, подразделения*. В другом случае слово *фронт* принадлежит к ряду *фронт – тыл* и входит в группу, обозначающую *территорию, связанную с военными и боевыми действиями*. Еще один пример: слова *политрук, старшина, солдат* в разных контекстах могут обозначать «должность» и «звание» (ср.: *политрук* – политический руководитель, 1) должностное лицо в ротах, батареях и равных им подразделениях Советских Вооруженных Сил в период (с перерывами) 1919 – 1942 гг.; 2) воинское звание, введенное в 1935 г. для различных категорий поли-

тического состава. Имелись звания старшего политрука, политрука и младшего политрука). В 1942 г. эти звания упразднены; *старшина* – 1) воинское звание сержантов. В РФ следует за воинским званием «старший сержант». Введено в СССР 22 сентября 1935 г.; 2) должностное лицо в роте (батарея) в ВС РФ. Является непосредственным организатором внутреннего порядка в расположении роты (батареи) и прямым начальником сержантов и солдат своего подразделения. Должности *старшина* соответствует воинское звание старший прапорщик; *солдат* – 1) первичное (младшее) воинское звание; солдаты – состав (категория) военнослужащих и военнообязанных в званиях рядовой, ефрейтор и других солдатских званиях. В Красной Армии рядовые бойцы назывались красноармейцами, а категория солдат введена в июле 1946 г. [1].

2. В пределах одной ЛСГ выделяются более частные ряды определения общности, что приводит к тому, что группа оказывается семантически сложной и разнообразной. Например, в ЛСГ «довольствие» можно выделить ряды *продовольствие (тыловая норма, паек и т.д.) и денежное довольствие (жалование)*. А в ЛСГ «военная амуниция» отчетливо выделяются ряды *военное обмундирование* и *военное снаряжение*. И даже внутри подобных рядов есть более мелкие цепочки. Например, в ряду *сектор обстрела, сектор наблюдения, сектор обзора, огневой сектор, сектор атак, сектор укрепленного района* можно выделить две цепочки: часть пространства, назначаемая для различных целей, и участок местности, назначаемый огневым средствам для поражения противника огнем [1].

3. ЛСГ обладают различной степенью четкости своей структуры и, соответственно, неодинаковой силой сцепления. Они могут отличаться друг от друга по своему объему. Количество слов в группах может меняться, что иногда приводит к внутренним изменениям. Включая в себя новые лексические единицы, ЛСГ вынуждена производить внутренние перераспределения в смысловых отношениях между словами, входящими в нее. Например, в ЛСГ «слова, обозначающие огневые средства для поражения живой силы противника и военной техники противника, оружие и его составляющие части» с появлением в классификации таких слов, как *башня танка, прицел, прожектор, проволочное заграждение, сирена* и т.д., понадобилось выделить отдельную группу *приборы и приспособления, ком-*

плексные технические средства, устройства, т.к. семантическое наполнение данных единиц уже не соответствовало теме, заявленной в названии группы.

4. Объединение лексических единиц в ЛСГ в известной мере объясняет и явление лексико-семантических вариантов. Вот один из ярких примеров: «Катюша – обиходное название отечественных боевых машин реактивной артиллерии во время Великой Отечественной войны. Происхождение названия, вероятно, связано с заводской маркой “К” завода-изготовителя первых боевых машин БМ-13 (Воронеж, завод им. Коминтерна) и с популярной в то время одноименной песней» [1]. «Катюшей» в годы войны стали называть фронтную зажигалку, сделанную из гильзы. В пуле делали сквозное отверстие под фитиль, в капсуле – отверстие для заливки бензина, закрытое винтом. «Катюшей» также называли патрон от крупнокалиберного пулемета.

Как пишет В.А. Звегинцев, «чем развитее язык, тем более дифференцированными и разветвленными лексико-семантическими группами он обладает. В них закрепляется все богатство наблюдений над многообразием явлений действительности и связей между ними – результаты творческой познавательной и классифицирующей работы человеческого мышления. В процессе познания действительности подмечаются все новые и новые детали предметов, особенности явлений, оттенки понятий и соответственно создаются новые системы. Слова, организованные в лексико-семантическую систему на общей смысловой основе, развитием своих индивидуальных значений обуславливают вместе с тем и развитие смысловой основы всей системы в определенную сторону <...>, таким образом, происходит согласование смысловой основы лексико-семантической системы и представленных в ней смысловых рядов с индивидуальными значениями слов, входящих в эту систему» [2, с. 274].

В результате вышеназванного обстоятельства в каждом слове происходит ограничение возможности сочетания с другими словами. Например, возьмем два синонимичных понятия: *атака* и *наступление*. И с одним, и со вторым согласуются слова *идти в*, *пойти в*, *перейти в*, *двинуться в*, *повести в* и т.д. Однако нельзя сказать *решающая атака*, *атака по всему фронту* (ср.: *решающее наступление*, *наступление по всему фронту*), *отбить наступление*, *отразить наступление* (ср.: *отбить атаку*, *отразить атаку*), *подняться в*

наступление, *лезть в наступление* (ср.: *подняться в атаку*, *лезть в атаку*) или *контрнаступать* (ср.: *контратаковать* или *контрнаступление*) и пр. Этот пример показывает прямую связь семантического наполнения ЛСГ с оформлением у членов этой группы лексико-семантических вариантов. Он же свидетельствует о том, как ЛСГ оказывает влияние на семантическое развитие отдельных входящих в нее слов, не давая им расширить свое значение на семантическую территорию соседнего слова в группе.

5. В разных ЛСГ можно выявить некоторые общие направления распределения лексических рядов. «Выключение отдельных слов из системы может происходить как по лексико-семантическим, так и по грамматическим причинам. Так, в результате резкого или частного изменения значения (например, возникновение нового лексико-семантического варианта и отмирание старого) слово может совершенно уклониться от того значения, которым оно было связано с системой. В результате оно выбрасывается из системы и оказывается вне влияния инерции смыслового развития системы» [2, с. 289]. Так, представляет интерес употребление слова *экипаж* – «первичное (низшее) подразделение в ВС, непосредственно обслуживающее самолёт, танк, БМП и др. самоходную технику» [1]. Изначально это слово вошло в ЛСГ «виды родов войск, войсковых формирований, тактических подразделений». Однако изменение значения данной единицы (*экипаж* как синоним техники, а конкретней – повозка: – *Залазьте в мой экипаж!* (В. Некрасов. В окопах Сталинграда)) привело к тому, что ее пребывание в данной группе, в данном контексте стало невозможным, т.к. семантика слова совершенно уклонилась от первоначального значения.

Таким образом, семантические изменения отдельных лексических групп не происходят по каким-либо моделям, и далеко не всегда в этих изменениях присутствует зависимость от внеязыковых явлений. Хотя, бесспорно, на процесс изменения влияют общественные события, происходящие в конкретной стране, тем не менее он совершается по своим специфическим законам. «В данном случае происходит опосредование рождаемых общественными событиями стимулов качественными особенностями языка; здесь внешние причины действуют через внутренние, что и находит свое выражение в формировании в смысловой стороне лексики языка особых законов разви-

тия, свойственных только данному языку и соотносимых со спецификой его семантической структуры. Иными словами, в данном случае мы имеем дело с тем третьим фактором собственно языкового характера, который играет столь же важную роль в определении лексического значения слова, как и способность слова соотноситься с определенным классом предметов и связь его с определенным понятием» [2, с. 288]. Состав ЛСГ может иметь весьма разнообразный характер. Отдельные ЛСГ, например, настолько невелики по объему слов и не устоялись до конца по типу строения и составу лексики, что представляется нецелесообразным закрепление за ними строго фиксированных названий.

Литература

1. Министерство обороны Российской Федерации: сайт // Военный энциклопедический словарь. URL : <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/list.htm>.
2. Звегинцев В.А. Семасиология. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1957.
3. Русский язык и советское общество (социолого-лингвистическое исследование). Лексика современного русского языка / под ред. М.В. Панова. М. : Наука, 1968.
4. Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке (XI–XVII вв.). Л. : Наука, 1970.
5. Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д. : Феникс, 2008.
6. Филин Ф.П. Очерки по истории языкознания. М. : Наука, 1982.
7. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М. : Наука, 1974.
8. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е (репр.) изд. М. : Большая рос. энцикл., 1998.

To the issue of lexico-semantic groups of the military vocabulary

Based on the military vocabulary there are considered various principles of combining words into lexico-semantic groups, as well as the ability of lexical units to correspond to a particular category of subjects and with particular notions.

Key words: *lexico-semantic system, lexico-semantic field, lexico-semantic group, lexico-semantic variant, military vocabulary.*

А.Г. ПРОНЬКА
(Таганрог)

СОПОСТАВЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ СРАВНЕНИЯ В СЛОЖНОМ СИНТАКСИЧЕСКОМ ЦЕЛОМ СО СРАВНИТЕЛЬНО-КОЛИЧЕСТВЕННЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ

Рассматриваются сравнительно-количественные сложные синтаксические целые с отношением сопоставления, их структурные особенности, система форм выражения сравнения. Анализируются системы с указанными отношениями в плане семантики, синтаксиса, прагматики.

Ключевые слова: *сравнение, сопоставление, противопоставление, позитив, компаратив, актуальное различие, актуальные распространители.*

Сопоставление результатов сравнения в системе сложного синтаксического целого (ССЦ) со сравнительно-количественными отношениями имеет двухкомпонентную структуру: смысл первого компонента формируется позитивным признаком, второго – обычно признаком, проявляющимся в большей или меньшей степени. В связи с этим сопоставление такого рода признаков часто является необходимым. Основным средством выражения сопоставления является союз *a*, языковые условия реализации которого ориентируют на восприятие различных результатов сравнения, выраженных в сопоставляемых смыслах.

Результаты сравнения в системе ССЦ представлены как данное. Сам факт состоявшегося сравнения выражен системой форм сравнения «позитив...компаратив». Показателем действия и реализации отношения сравнения является обычно компаратив, включенный в сопоставление с позитивом. «Природа относительности значения позитивов и компаративов принципиально различна. Это различие настолько велико, что не позволяет ни толковать значение компаратива в терминах позитива, ни, наоборот, сводить позитив к компаративу. Эти значения лишены взаимной обратимости. Из того, что формы компаратива в большинстве случаев производны от форм позитива, не следует делать вывод о наличии между ними семантической производности. Но из того, что позитив включает в себе имплицитное сравнение с нормой, было бы не